

ГОЛОС, КОТОРОМУ ВЕРИЛИ ВСЕ

«Внимание, говорит Москва!
Работают все радиостанции Советского Союза!..»

Юрий Левитан был не просто диктором Всесоюзного радио - он был голосом эпохи. О нем ходили анекдоты, рассказывали небывлицы. Но каким он был на самом деле? В советское время представление об известных людях складывалось лишь по их общественной деятельности. Личная жизнь тщательно скрывалась. Сейчас табу снято, и я могу рассказать о Юрии Левитане кое-что из того, о чем еще вчера в нашей прессе писать было не принято.

Диктором он стал совершенно случайно. Увидел на улице объявление, что на радио требуются дикторы, и пошел на работу, не очень-то представляя себе, что это за профессия такая. Природа наградила его редким басом. Дома, во Владимире, если кто-то из мальчишек заплывал слишком далеко, родители нередко просили его: «Юра, покричи-ка, у тебя горло луговое». И тогда на всю округу раздавался его зычный густой голос.

В 1931-м его работа на радио началась с занятий дикцией. Вскоре его допустили к объявлению музыкальных номеров. Магнитофонов тогда не было, и в обязанности диктора входило называть композитора, исполнителя и поставить пластинку. Вспоминаю о том времени, Юрий Борисович непременно рассказывал, как ему доводилось объявлять русскую народную песню «Ах, у дуба, ах, у ели».

Впрочем, этот период продолжался недолго. Красивый голос Левитана нравился не только радиослушателям и непосредственному начальству. На него обратил внимание сам хозяин Кремля. Юрию Борисовичу стали поручать самые серьезные передачи. Это он сообщил в эфир о мужестве челоукинцев, о героической ледовой эпопее папанинцев, о беспосадочном перелете из России в Северную Америку Чкалова, Байдукова, Белякова...

Он стал известен, знаменит. Тогда же познакомился с юной московской красавицей по имени Раиса. У них родилась дочь Наташа. Увы, семейное счастье было недолгим. Но теща Фаина Львовна прожила в доме зятя до самой смерти, дотянув до 92 лет и пережив его на два месяца...

Юрий Борисович был физически крепким человеком, хотя спор-

том никогда всерьез не занимался. Правда, любил поплавать в бассейне. Но одно спортивное хобби у него все-таки было - ходьба. Изю дня в день он проходил путь от дома до работы пешком. Расстояние от улицы Горького до Пятницкой, где располагался Радиокomiteт, преодолевал за полчаса. Даже когда купил «жигули», не отказался от своей привычки.

В послевоенные годы Юрий Борисович с дочерью и тещей обитали в небольшой двухкомнатной квартире, окна которой выходили на троллейбусную остановку. Из окна были видны угол здания Моссовета и витрины магазина «Дружба», где продавались книги соцстран. Наташа училась на факультете журналистики МГУ, у нее всегда было полно гостей. Юрий Борисович стал хлопотать о более просторном жилье. Это было время бурного строительства добротных номенклатурных домов. В одном из них, в Ворониковском переулке, ему дали трехкомнатную квартиру. Но прожил он здесь недолго. Дочь вышла замуж, родила сына, впятером опять стало тесно. Выход был найден довольно быстро. В соседнем дворе, на улице Медведева, строился кооперативный дом. Юрий Борисович купил там себе квартиру и тотчас же переехал.

Теперь он наконец-то мог делать что хотел, встречаться с кем хотел. Однако женщину, которая бы заставила его отказаться от холостяцких привычек, так и не встретил. Впрочем, аскетом он не был. И хотя называть красавцем Юрия Борисовича никак нельзя, женщины были от него без ума...

Он почти ежедневно виделся с родными. После окончания университета Наташа работала на радио в справочно-библиографическом отделе, а когда родилась сынишка, целиком посвятила себя семье. Юрий Борисович ежемесячно давал дочери двести рублей на продукты - по тем временам огромную сумму... Но нередко случалось так, что в холодильнике, кроме куска сыра и колбасы, ничего не было. Кастрюли же всегда были пусты. Однако Юрий Борисович не обижался. Рассказывая мне о своих домашних делах, он с улыбкой говорил о забывчивости Наташи - снисходительно, как о каком-то недоразумении. Я возразил:

- Ты балуешь дочь. Развращаешь легкими деньгами. Почему так спокойно смотришь на ее необязательность?

На что Юрий Борисович резонно ответил:

- Я знаю, что она тратит эти деньги не на меня. Но я помогаю не ей. Я помогаю внуку Бореньке. А для него мне ничего не жаль.

Но стоило ему заболеть, ситуация менялась. Беспокоясь за отца, Наташа через весь двор носила в соседний дом кастрюлю со всевозможной снедью. Выйдя на работу, диктор объявлял сослуживцам:

- Наташа спасла меня.

А вернувшись домой, шел к дочери:

- Вот тебе сто рублей. За хорошее ко мне отношение. - И добавлял: - Пользуйтесь моей добротой, пока я жив...
Левитан действительно был очень добрым, нежным, заботливым человеком. Как только начал прилично зарабатывать, стал регулярно отправлять деньги родителям. Потом перевез их в Москву. Он безотказно давал в долг всем, кто об этом просил. Многие беззастенчиво этим пользовались. Когда Юрия Борисовича не стало, Наташа обнаружила солидный список его должников. Попыталась вернуть отцовские деньги, но из этой затеи ничего не вышло.

В годы войны многие писали ему на радио: «Товарищ диктор! Заняли еще один город. Мы идем на Запад к логову врага. Берегите голос. Работы вам прибавится». Дома в двух огромных чемоданах хранилась его почта. Точнее, ее незначительная часть. Те письма, что особенно тронули душу. Например, один автор сообщал, как диктор спас ему жизнь. Дело было так. Боец на острове Рыбачьем охранял военный склад. И вдруг услышал: из дежурного помещения раздается голос диктора. Решил, что Левитан читает важное сообщение, и пошел к репродуктору. Едва начал слушать, раздался оглушительный взрыв. Выбежал солдат на улицу, а от склада одни развалины остались. Немецкая авиабомба упала как раз на то место, где несколько минут назад он стоял. «Вот так благодаря вам я остался жив», - поведал солдат свою удивительную историю. И таких не-

обыкновенных писем у Юрия Борисовича было не счесть.

Левитан почти ежедневно читал сводки Совинформбюро, озвучивал приказы советского командования и другие государственные акты, которыми регулировалась жизнь страны. Двести миллионов советских людей ежедневно прислушивались к черным тарелкам громкоговорителей, ловя каждое левитановское - печальное или радостное - слово. Неудивительно, что голос диктора стал во многих семьях долгожданным и родным. Не было в стране ни одного человека, кто бы не знал этого имени. Голос диктора Всесоюзного радио Юрия Борисовича Левитана стал поистине символом эпохи - быть может, наравне со знаменитой песней «Вставай, страна огромная», с плакатом «Родина-Мать зовет!» Спросите любого фронтовика, и он, не колеблясь, подтвердит, что сообщения, прочитанные Юрием Борисовичем по радио, по силе воздействия были куда эффективнее, чем иные набившие оскомину приемы тогдашней пропаганды.

Давно окончилась война, но еще четыре десятка лет голос диктора звучал в эфире. Немало исторических сообщений прочитал Левитан за последние годы своей работы на радио. В том числе и незабываемое - о полете первого космонавта Земли Юрия Гагарина.

Он по-прежнему оставался неординарно популярным, знаменитым и... совершенно незнакомым. Неудивительно, что общественный интерес к Левитану всегда был чрезвычайно велик. А пресса о нем молчала. Даже главная газета страны - орган ЦК КПСС «Правда» - ни разу не напечатала о дикторе ни строчки.

Я решил исправить положение и

стал готовить очерк. Когда рассказывал ему о своем намерении, Юрий Борисович рассмеялся: «Готов заключить с тобой любое пари, что «Правда» ничего обо мне не даст».

- Это почему же? - удивился я.

- Из-за «пятого пункта», - убежденно сказал он. - Я еврей, а о евреях эта газета ничего не пишет.
Но Юрий Борисович ошибся. 7 мая 1975 года, к 30-летию Победы, «Правда» впервые опубликовала большой материал о нем под заголовком «Говорит Москва». Левитан не верил своим глазам. Он радовался как мальчишка и потребовал, чтобы я принес ему как можно больше газет. В то время публикация в «Правде» считалась официальным признанием заслуг человека.

Однако признание творческих, гражданских заслуг диктора со стороны властей было, надо прямо сказать, несколько запоздалым. Звание народного артиста СССР он получил лишь в 1980-м, когда ему исполнилось уже 66 лет. Хотя сам по себе факт беспрецедентный: в Советском Союзе это высокое звание впервые присудили диктору радио. Коллеги подтрунивали: «Юра, когда ты умрешь, твои связки поместят в Институт мозга...»

В середине 70-х годов мне пришлось писать сценарии общественно-политических вечеров. Однажды понадобился текст сообщений о начале и конце войны. Я не стал разыскивать их в фондах Радиокomiteта, а по-приятельски попросил Юрия Борисовича прочитать тексты на мой диктофон. Он не колеблясь согласился. Оказалось, что даже спустя три десятка лет после окончания войны он все помнит наизусть! В моем домашнем архиве как ценнейшая реликвия до сих пор хранится пленка с живым голосом диктора - исторические объявления

военных лет, каждое из которых начинается словами: «Внимание! Говорит Москва!»

Работа на радио, специфика профессии позволили Юрию Левитану всегда быть в эпицентре самых важных общественных событий, встречаться со множеством выдающихся людей: политическими деятелями, военачальниками, учеными, артистами. Он был близко знаком с Качаловым, Царевым, Бернесом, Жуковым, Покрышкиным, Гагариным. Ему было о чем вспомнить, что рассказать. Всякий раз при встрече я напоминал Юрию Борисовичу о его долге - взяться за написание книжки. Он соглашался: «Да, ты прав, это надо сделать». Но ежедневная занятость на радио и необыкновенная личная скромность, доходившая порой до застенчивости, видимо, так и не позволили осуществить замысел.

Летом 1983-го я заглянул к Левитану домой. С порога он сообщил мне радостную весть:

- Еду в качестве почетного гостя в Белгород на торжество по случаю 40-летия первого победного салюта! Сразу по возвращении засяду за книгу воспоминаний. Поможешь?

Увы, не довелось. Четвертого августа после выступления на митинге в деревне Бессоновка Юрий Борисович почувствовал себя плохо. Врачей рядом не оказалось. Как потом выяснилось, у него случился инфаркт, но выдержало сердце. Ему было 69 лет.

Похоронили Левитана на Новодевичьем кладбище.

Юрий БЕЛКИН,
депутат муниципального собрания района Гагаринский,
член Союза журналистов
Фото из архива автора

ВЕК ДОБРОЗДРАВИА

Городской поликлинике № 4, что в Таганском районе, исполняется 100 лет

К далеким дням начала XX века нас возвращает документ, хранящийся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ): «Городская управа уведомила, что строительство здания лечебницы будет закончено 20 августа 1903 г... Освящение лечебницы назначено на 31 августа». С того времени и началась биография поликлиники № 4, которая прежде носила имя Леонида Николаевича Сумбула.

Нас долго убеждали, что в царскую пору народного здравоохранения в России не было. Но вот сведения, предоставленные тем же ЦИАМом: «На собрании Московской городской думы 28 ноября 1900 г. было постановлено поручить Комиссии общественного здоровья и городской управе представить соображения о постройке зданий лечебниц для приходящих больных и о наименовании одной из них «лечебницей в память Л.Н. Сумбула».

Конечно, поликлиника № 4 давно переехала в новое здание, ибо прежде, рас-

положенное в Большом Рогожском переулке, д. 17, не отвечало современным требованиям.

- Мы бы просто там не уместились, - говорит главный врач поликлиники Сергей Копалкин. - Сегодня здесь - физиотерапевтическое отделение, кабинеты эндоскопии, флюорографии с новой цифровой аппаратурой, ЭКГ, лазерного лечения, рефлексотерапевтический, рентгеновский, ВИЧ-анонимного обследования... У нас работают 40 врачей и 61 медсестра.

...Здание, где в августе 1903-го началась жизнь новой московской лечебницы, сохранилось до сей поры. Я всегда думал, что этот дом принадлежал богатому купцу с хорошим художественным вкусом: даже в старой архитектурной многоликости Таганки, которой мы поныне любимся, особняк в Большом Рогожском запоминается особо. Двухэтажные красного кирпича хоромы, с убранством сложной кладки фасада, внутри много

света, воздуха... Теперь здесь Московская ассоциация кулинаров, Музей общественного питания - помнится, единственный в мире.

В адресной и справочной книге 1917 года «Вся Москва» издания А.С. Суворина нахожу в перечне бесплатных лечебниц для приходящих больных: «В память Л.Н. Сумбула. Б. Рогожский переулок. Тлф. 19-67. На утреннем приеме врачи... На вечернем приеме врачи...» И идет фамилия, имя и отчество доктора. Чуть ниже встречаю: «Лечебница им. кн. В.А. Долгорукова при Комитете «Христианская помощь». Прием от 10-3 час. с платно 10 коп., неимущие бесплатно; лекарство выдается бесплатно». (Увы, нынешние наши старики собирают подаяние на самые дешевые капли и пилюли.)

«Имени князя Долгорукова» - тут все ясно, а вот кто такой был Сумбул, чье имя носила лечебница в Большом Рогожском? В архиве есть ответ и на этот вопрос: Леонид Николаевич Сумбул почти 30

лет состоял в должности мирового судьи и почти столько же времени был гласным Московской городской думы. С 1877 по 1882 год совмещал должности почетного мирового судьи г. Москвы и товарища московского городского головы. Во время отъезда председателя финансовой комиссии МГД Н.И. Гучкова замещал его. По образованию врач, он принимал участие в работе по введению в действие нового лечебного устава 1893 года, в течение ряда лет был одним из самых деятельных членов Комиссии общественного здоровья.

Сумбул считал: верность врачебному долгу - святая святых. Да, чтут ее и ныне, хотя далеко не все. Работать сегодня на поприще народного здравоохранения, почти не финансируемого государством, тяжело, но тем не менее, как и сто лет назад, есть медики, которые честно служат простому человеку. Прежде всего это участковые врачи - они и по домам бегают, и стариков навещают, и прием больных ведут. Вот и в поликлинике № 4 есть такие люди, большинство из них - ветераны: по 30-40 лет здесь трудятся Ю. Шанцер, Н. Тюрина, Г. Цыганкова, М. Умецкая, П. Крикун, Т. Гуркина... Стаж Н. Вдовиной и ее дочери М. Серебряковой - более полувека. Им и многим другим - поклон низкий: ведь благое дело творят.

Владимир ЧЕРТКОВ

ФОТО АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА